

Дружбу мне дарили личности просто гениальные

А.Демидова

Лицо у нее удивительное – словно с изящной камеи. С ним можно играть и блоговскую Незнакомку, и Грету Гарбо, и старуху Мелентьевну. Оно всегда вдохновляло художников. Одни писали ее портреты, другие создавали фотоэтюды. Талант Аллы Демидовой приметил еще на первом курсе Щукинского училища знаменитый француз Жан Вилар и приглашал в свой парижский театр. Рубен Николаевич Симонов любил ходить с интересной студенткой в театры. Она была первой, кого стал одевать в Москве Вячеслав Зайцев...

Ее свежий ум, изысканный стиль и неуловимая тайна всегда привлекали талантливых людей. Многие дарили ей свою дружбу. Знаменитой она стала, сыграв первые роли в кино, – Ольгу Берггольц в «Дневных звездах», Лизу Протасову в «Живом трупе», Марию Спиридонову в фильме «Шестое июля»...

В Театре на Таганке Алла Демидова несколько лет работала сначала в массовых сценах, потом в маленьких эпизодах, буквально «на износ». Она до сих пор удивляется, как хватило на это сил. Когда Любимов начал давать ей первые роли, Алла Сергеевна оказалась самой верной и послушной его ученицей. Она считала себя его подмастерьем, даже инструментом. Старалась, как признается, быть скрипкой Страдивари, поскольку на ней легче играть. И была счастлива этим.

Застенчивая и ранимая от природы, с годами она стала рациональной и закрытой. При этом не переставала самосовершенствоваться, что и укрепило ее ум и талант. В один прекрасный момент партнеры вдруг поняли, что она обошла всех. Об этом говорил еще Владимир Высоцкий. А когда она «выпала» из гнезда, в котором жила как бы на обочине, иные скептики поспешили с прогнозами, что она как актриса, мол, уже отцвела. Однако Демидова создала первый в Москве частный «Театр А». Она назвала его первой буквой алфавита, а места за ней всем хватит. И объездила со своим театром полмира. Ее готовность к ученичеству помогла ей в освоении европейского театрального пространства. С ней планировали свои постановки Антуан Витез, Джорджо Стрелер, Боб Уилсон.

Дар трагической актрисы соседствует в ней со склонностью к исследовательской работе, и она пишет книги-размышления о времени и о себе. Голосом дельфийской пифии актриса буквально гипнотизирует слушателей на своих авторских поэтических вечерах, открывая новые ритмы и интонации наших любимых поэтов.

Когда-то на сцене Демидова ставила для себя в конце зала воображаемого огромного зрителя и как бы «смотрела» в его сердце, направляя через него свою энергию в зал. А сейчас мы, ее почитатели, всматриваемся в эту грандиозную личность, которая намного крупнее, чем все фантомы, созданные актрисой, – сценические и экранные. Она как бы над нами. И мы тянемся к ней, как к какой-то высоте. Секрет, возможно, в том, что она просто сверхпассионарна, как определил однажды Лев Гумилев.

Накануне юбилея Аллы Сергеевны я снова пришла в ее дом. Он всякий раз удивляет атмосферой, словно наполненной Серебряным веком.

Два круглых столика с небольшими диванами и креслами. Картины, книги, цветы да изящные безделушки, будто случайно оказавшиеся в том или ином месте... Словом, некий художественный беспорядок. И вот что она рассказала мне.

– Знаете, по воспоминаниям, у Блока в кабинете царил идеальный порядок. На его рабочем столе все лежало аккуратнейшим образом, а хорошо отточенные карандаши выстроены по размеру. Гость спросил Блока, откуда эта немецкая пунктуальность? И тот ответил, что, видимо, это способ убежать от внутреннего хаоса. У меня же хаос внешний, а внутри – абсолютная концентрация на какой-то идее, работе. А что касается беспорядка в моей квартире, то я называю этот стиль «матросский сундучок». Впрочем, он выражает скорее характер, чем стиль. Появляется какая-то вещь – кто-то дарит или я сама приобретаю, – она помещается на какое-то место. Все. Больше она не переставляется.

– А как вы обустроили свою квартиру на Икше?

– Точно так, как и здесь. Но вот что интересно. Пришло время, и икшинская квартира, естественно, стала нуждаться в ремонте. Неожиданно люди из телепрограммы «Квартирный вопрос» мне предложили сделать ее ремонт и дизайн. Рустам Хамдамов уговаривал меня согласиться. Сначала я подумала: ну хорошо, пусть за меня все и сделают... Но потом поняла, что жить в квартире, устроенной по чужому вкусу, не смогу. И отказалась.

– Дружите с Хамдамовым?

– Это близкий мне человек. Мы встречаемся абсолютно как родственные души. Но отношения совершенно спонтанные, где-то сталкиваемся с ним. Иногда он что-то мне дарит...

– Помню, он сказал вам замечательную фразу: «Алла, готовьтесь, ниша благородных старух среди актеров не занята никем». И вот вы эту нишу заняли, создав на экране прелестный образ сентиментальной Анны Сергеевны в фильме «Настройщик» Киры Муратовой и получили за него несколько российских премий. Кто для вас эта героиня?

– В какой-то степени – чеховская Раневская. Из числа недотеп, всегда расточительных, вечно обманутых, но бесконечно трогательных и обаятельных. Меня интересует тема их незащищенности от грубой жизни.

С удовольствием сыграла бы еще мягкую и добрую старуху. Доброты как раз и не хватает сегодня на экране. Хотя недавно я сыграла старуху с сильным характером – Мурзавецкую в фильме «Русские деньги» Игоря Масленникова по пьесе Островского «Волки и овцы». Согласилась на эту роль, потому что от Островского не отказываются.

– Заметила, что в прихожей по-прежнему висят две фантастические шляпы, подаренные вам Сергеем Параджановым.

– Как я и говорила, они нашли там свое место и будут висеть годами. Мы ничего не меняем в своем доме. Но с параджановскими шляпами была такая история. Как-то Параджанов устроил в Тбилиси прием для артистов Таганки. Я пришла к нему в своей шляпке. «Ах, шляпка, шляпка!» – восторженно среагировал он.

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

(Окончание на 16-й стр.)

АЛЛА ДЕМИДОВА:

Дружбу мне дарили личности просто гениальные

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Теперь я буду делать такие же для тбилисских женщин! Вот эти две он сделал и для меня. Подлинные шедевры. Я надевала их, лишь позирова. Коробки, в которых Параджанов их прислал, украшены его же росписями. Они тоже украшают наш дом.

— Картины рисуете?

— Нет. Нужно особое состояние души, чтобы войти в другую реальность, а в данном случае — в живопись. Во всяком случае мне, непрофессионалу. В Москве я не могу этим заниматься. На даче нужно время, чтобы я жила там хотя бы месяц-полтора. Чтобы мои внутренние вибрации успокоились и пришли в лад с природой, с водохранилищем, чтобы я мало с кем общалась, совсем ушла в свой внутренний мир. Тогда и потребовались бы кисти и краски.

— Алла Сергеевна, вы живете в гармонии сама с собой?

— Стараюсь. Как стараюсь и не грешить. Не боюсь одиночества. Мне не бывает скучно. Всегда найду чем заняться.

— Знаю, вы похоронили маму. Расскажите, пожалуйста, о ней.

— Ее не стало 1 ноября минувшего года. К сожалению, я была на гастролях в Израиле, и это случилось без меня. Успела только ко дню похорон. Маме было 92 года. Она была красивой, женственной... Всю жизнь проработала в Московском университете. Сначала на Моховой, затем на Университетской... Была лаборанткой, потом младшим научным работником. Ее все любили. Меня удивили похороны. Когда мы подъехали к моргу, то увидели множество людей с цветами. Оказалось, все они пришли к моей маме. Катафалк с гробом провозили вокруг экономического факультета... Похоронили маму на Головинском кладбище, рядом с родными.

— Мама гордилась вами?

— Наверное. У нее был целый архив, где она собирала все мои фотографии, статьи, интервью, рецензии на спектакли и фильмы... И я не знаю, что же с ним делать?

— А что же случилось с вашим пекинесом Микки, звездой муратовского "Настройщика"?

— У него оказалась сердечная недостаточность. Последние дни он лежал, свернувшись калачиком вот на этом кресле. Как-то я смотрю на него, вижу, что ему хочется пить. Подхожу, спускаю с кресла, он попил. И лег на коврик, мордочкой ко мне. Вдруг чувствую, что-то уходит из него, какая-то энергия. Его не стало. Умер он очень достойно... Похоронили его на Икше. А раньше него умер и кот Миша...

— Перед встречей с вами с большим интересом перечитала вашу книгу "Бегающая строка памяти" и снова изумилась, как интересна и многообразна ваша жизнь, сколько замечательных людей послала вам судьба.

— Верно. Но иных уж нет, а те далекие. Скорее, конечно, первое. Дружбу мне дарили личности просто гениальные. Но много хороших людей прошло и мимо меня. Долгое время была занята, к сожалению, сама собой и работой. И только теперь понимаю, что многое упустила из жизни.

— Что-то пишете снова?

— Да. Начинаю книгу "Вспоминая "Вишневого сада". У меня сохранились записи разговоров и размышлений Эфроса на репетициях, мои заметки на полях роли. А "Бегающая строка памяти" переиздается сейчас под другим названием и с другими иллюстрациями. И это меня немного тревожит. Идет как бы обман читателей, они

могут подумать, что это новая книга... Переиздается в Петербурге и моя последняя книга — "Ахматовские зеркала". Это мое толкование "Поэмы без героя". Знаю, что книгу непросто читать. Мои комментарии, как и сама "Поэма", кружат, раз за разом уточняясь. А многое я в первом издании и сама не расшифровала. Думала, что если это я знаю, то знают и другие, но оказалось, что не так. И поэтому в новом издании немало добавлений... Знаете, школьницей я перерисовала для себя портрет Ахматовой работы Натана Альтмана. Не знала тогда еще ее стихов. Влюбилась просто в лицо...

— Алла Сергеевна, вас называют интеллектуальной актрисой. Насколько ум нужен актеру?

— Ум, думаю, никому никогда не мешает. А что касается актеров, то он помогает им во время подготовительного этапа работы над ролью и отбора выразительных средств.

— Вы часто цитируете Дидро из его "Парадокса об актере": "Слезы актера вытекают из его мозга". Попробуйте, пожалуйста.

— Дидро говорил об актерской технике. У нас же на сцене актеры плачут, как крокодилы, а зрители сидят холодные, как собачьи носы.

— В последнее время вы часто употребляете слово "фантом". Что это?

— Работа актера состоит в том, чтобы роль отделилась от текста. Тогда она существует сама по себе. И становится фантомом. Если у актера высокая техника, он талантливо передает эти фантомы зрителям. Они то и остаются в нашем искусстве. Как это было со Смоктуновским, Николаем Симоновым, Черкасовым, Бабочкиным, Борисовым, Орловой, Реневской...

— Талант нужно пестовать?

— Конечно, особенно в начале пути. Когда-то я думала, что талант пробивается, как трава через асфальт. Возможно, трава и пробьется, но кто-нибудь непременно на нее наступит и сомнет. Роза на помойке не расцветет. За ней нужно ухаживать. Ей нужны особая почва, удобрения и атмосфера. Сама я на первом курсе в Щукинском училище получила бесценную поддержку от Анны Алексеевны Орочко. У меня тогда появился азарт и кураж быть на сцене.

— Алла Сергеевна, позвольте вас спросить. Вы все еще ведете внутренний диалог с Любимовым?

— Диалог? Не знаю. Впрочем, это было в первые годы Таганки... Когда Юрий Петрович вернулся в театр после долгого отсутствия, трупца показывала ему восстановленного "Бориса Годунова". Я, разумеется, очень волновалась. И после показа Любимов сказал мне: "Алла, ну сколько можно сдавать передо мной экзамен?! Вы давно его сдали..." Я благодарна ему за эти слова. Должна признаться, что я играла лучше, когда Любимова не было в зале.

— Борис Бланк предлагал вам сыграть с Юрием Любимовым в фильме "Смерть Таирова". Как вы к этому отнеслись?

— Вероятно, мне было бы очень сложно играть с Юрием Петровичем, но тем и интереснее. В этом узле отношений, когда Любимов — Таиров, а я — Алиса Коонен, возможно, и возникла бы неожиданная искра... Но Любимова положили в больницу. Таирова сыграл Михаил Козаков. И сыграл очень хорошо.

— Еще ощущаете скрип колеса от поворота судьбы, когда ушли из Таганки?

— Скрипа не слышу. Но, видимо, поворот судьбы все же произошел. Тридцать лет работы в театре! И ка-

А.Демидова

ких лет! Мы начинали на ровном месте: ни возрастов, ни званий, ни традиций. Создавали эти традиции сами. На спектакли Таганки приходили лучшие люди страны. Театр ставил диагноз болезням общества, во многом формировал вкус зрителей и общественное мнение... Не могу понять учеников, предавших своего Учителя, когда произошел раздел театра. Все последние постановки перед отъездом за границу Любимов осуществил на Новой сцене, которую и сделал с расчетом на свои спектакли. А это — "Три сестры", "Электра", "Борис Годунов", "Доктор Живаго", "Пир во время чумы", "Федра". Теперь на этой сцене — другой театр. А ведь можно было бы организовать свое дело в другом месте...

— Я хотела поговорить о Высоцком. Вы ведь что-то репетировали с ним в последний год его жизни?

— Вероятно, мне было бы очень сложно играть с Юрием Петровичем, но тем и интереснее. В этом узле отношений, когда Любимов — Таиров, а я — Алиса Коонен, возможно, и возникла бы неожиданная искра... Но Любимова положили в больницу. Таирова сыграл Михаил Козаков. И сыграл очень хорошо.

— Еще ощущаете скрип колеса от поворота судьбы, когда ушли из Таганки?

— Скрипа не слышу. Но, видимо, поворот судьбы все же произошел. Тридцать лет работы в театре! И ка-

ких лет! Мы начинали на ровном месте: ни возрастов, ни званий, ни традиций. Создавали эти традиции сами. На спектакли Таганки приходили лучшие люди страны. Театр ставил диагноз болезням общества, во многом формировал вкус зрителей и общественное мнение... Не могу понять учеников, предавших своего Учителя, когда произошел раздел театра. Все последние постановки перед отъездом за границу Любимов осуществил на Новой сцене, которую и сделал с расчетом на свои спектакли. А это — "Три сестры", "Электра", "Борис Годунов", "Доктор Живаго", "Пир во время чумы", "Федра". Теперь на этой сцене — другой театр. А ведь можно было бы организовать свое дело в другом месте...

— Когда-то, уже после ухода Высоцкого, я разговаривала с Мари-

Витезом. Он видел на Таганке Цветаевскую "Федру", а мы ее сделали с Романом Виктюком, и предложил мне сыграть Федру Расина в Театре "Комеди Франсез", директором которого тогда был. Антуан решил, что я буду играть ее на русском, поскольку Федра иностранка среди греков. Но чтобы было удобно репетировать, он посоветовал мне выучить французский. Оплатил занятия языком в специальной школе для иностранцев... Однако актрисы "Комеди Франсез" не захотели признать русскую приезжую.

— Побоялись конкуренции?

— Не знаю. Тогда Витез решил сделать спектакль сначала только с русскими актерами, а потом перенести его в Театр "Одеон". Он приехал в Москву и в репетиционном зале Ленкома отбирал московских актеров. Уже были распределены роли... Но 30 апреля 1990 года его не стало. Это случилось в Париже. Ему было 58 лет. У меня остались и макет "Федры", и эскизы костюмов художника Янниса Коккоса...

— А встречи с Джорджо Стрелером?

— Они тоже незабываемы. Мы познакомились на его юбилей, широко

отмечаем в мае 1987 года в Милане. Стрелер пригласил на праздник два спектакля Эфроса — "Вишневого сада" и "На дне". Мы много разговаривали. Однажды он сказал: "Хотите, поработаем вместе?" — "На каком языке?" — спросила я. "Выучите итальянский, вот актриса немка выучила итальянский и уже несколько лет работает с нами"... Я ответила, что для меня это нереально, а вот если бы он приехал в Москву... Стрелер подумал и сказал: "Может быть, если успею, будем делать "Гедду Габлер"... Как понимаете, эта работа у нас не состоялась.

В то время Джорджо Стрелер был еще директором Театра Наций. Он устраивал поэтические вечера, на которых выступали в основном поэты разных стран. Но от Франции был Антуан Витез. Он прекрасно читал стихи. Кстати, Витез переводил на французский язык Маяковского. А от России Стрелер пригласил меня. Это он поставил мне вечер на большой арене. Джорджо Стрелер нашел музыку, установил мольберт, зажег свечу, посадил в первый ряд синхронную переводчицу. Вот в этой композиции я и теперь веду свои поэтические вечера.

— Как познакомились с американским режиссером Бобом Уилсоном?

— Он приезжал в Москву на юбилей Таганки и предложил мне поработать с ним, сказав, что ему хотелось, чтобы в него "влилась" кровь русского театра. Мы обсудили несколько проектов. Я сказала, что мне интересно сделать что-то оригинальное. И предложила Гюголя, "Записки сумасшедшего". Он удивился, и тогда я объяснила свой выбор. Когда на сцене Офелия играет сумасшествие, никто не думает, что она сошла с ума. Зрители оценивают, как она это делает — хорошо или плохо играет. Но если актриса думает, что она — андреевский памятник Гюголю, если пишет "Записки сумасшедшего" и сама становится Поприциным, собачкой и другими персонажами, то понятно, что она и в самом деле сошла с ума. Уилсон сказал: "Забавно". Он перечитал Гюголя и вскоре сообщил по факсу, что в восторге от этой идеи. Потом снова приехал. Уилсон попросил меня найти ему помощника.

— Кого же вы предложили?

— Кирилла Серебренникова. Незадолго до этого я записала с ним тридцать телефильмов по новеллам "Темные аллеи" Бунина. Надо было срочно найти Кирилла. Оказалось, что он в это время был у мамы в Ростове-на-Дону. Звоню ему туда. Объясняю, в чем дело. И Кирилл, не спрашивая, что за проект, какие сроки, где будем работать, кричит в трубку: "Алла, супер, супер! Лечу!" Серебренников прилетел на следующий день. Познакомился с Уилсоном. Тот посмотрел кусок из "Темных аллей", и он ему понравился. Им было легко общаться, так как Кирилл знает английский. Мы планировали поставить спектакль к Всемирной олимпиаде в Москве. Но репетировать надо было в культурном центре Уилсона под Нью-Йорком. Я не смогла туда полететь, и проект так и не был реализован.

— Серебренников стал сегодня, как и Нина Чусова, модным режиссером. Что скажете об их работах?

— К сожалению, видела только спектакли "Вий" и "Мамапапасын-собака" Нины Чусовой. Они мне понравились. О Кирилле с любопытством расспрашиваю знакомых. Слежу за ним издали. Но посмотреть его работы пока не пришлось.

— Знаю, что вы были на премьере "Евгения Онегина" на Новой

сцене Большого театра. Как вам работа режиссера Дмитрия Чернякова?

— Талантливо. Не скучно. Можно слушать и смотреть. Много интересных решений. Люблю, когда ломают канон. Интересны нетрадиционные рисунки ролей главных персонажей. Но понимаю, что спектакль сложен для публики.

— Алла Сергеевна, вы хорошо знаете мировой театр, кого из режиссеров называли бы своим?

— Эфроса...

— Спасибо. Хотелось спросить вот о чем. Во Франции вышла книга Натали Айниш "Артисты — это элита". Автор утверждает, что именно артисты — аристократы современного общества. Что скажете?

— В какой-то степени согласна с ней. Об актерам у нас раньше даже говорили как об аристократах духа. Наша профессия — публичная. Мы на виду. Люди всегда обращают внимание, как актер одет, как выглядит, как держится... Даже вы у меня спрашиваете, как я живу, какая у меня квартира. Через актера зритель знакомится со сценическим и экранным искусством, с классическими образами... Он формирует вкус публики. Недаром мы до сих пор помним великих актеров таких театров, как МХАТ, Малый, БДТ, Александринский... К сожалению, сегодня роль актера снивелировалась. Но все вернется на круги своя. И театр опять займет достойное место в нашей жизни.

— Что скажете о политике. Она интересует вас?

— Нет. Я с детства воспринимала 1917-й год как катастрофу. Так меня учила бабушка — старообрядка. Она говорила, что к тому, что не можешь изменить, надо относиться как к землетрясению. Главное — выжить. Отца посадили в 1932-м, но потом освободили. Он ушел добровольцем на фронт, погиб под Варшавой... Я не играла в политические игры ни в жизни, ни в театре. Кроме, конечно, Марии Спирidonовой в картине "Шестое июля", да и то потому, что героиня была оппонентом Ленина...

— Но вы сами говорите, что все, что происходит, дает нам Бог?

— Да. Абсолютно уверена, что все идет по структуре какого-то высшего порядка. Нужно все соотносить. Главное — не навредить. А чтобы не навредить, нельзя на боль отвечать болью, а на агрессию — агрессией.

— Когда московские зрители увидят вас на сцене?

— 7 декабря. В Большом зале консерватории мы — хор церкви Третьяковской галереи с его регентом Алексеем Пучковым и органом — будем повторять концерт по книге Иова из Старого Завета... А в феврале в Зале Чайковского состоится мой вечер "Поэты двадцатого века".

— Как думаете, Алла Сергеевна, отмечать свой юбилей?

— Меня не будет в Москве. Я вообще не люблю отмечать эти дни. Был такой случай на Таганке. Как-то я заметила, что в мой день рождения, 29 сентября, поставлен вдруг спектакль "Вишневого сада", хотя раньше предполагался другой. Я забеспокоилась, не специально ли это сделано? И разволновалась, как же поступить? Утром чувствую, что у меня пропал голос, а без него играть, разумеется, нельзя. Так проблема разрешилась сама собой...

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ